

Научная статья | Original paper

Личностная идентичность современных подростков: результаты общероссийского исследования

И.В. Шаповаленко¹ ✉, Ю.А. Кочетова¹, Г.В. Семья^{1, 2},
И.А. Меркуль¹, А.С. Радчиков¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

² Московский педагогический государственный университет,
Москва, Российская Федерация

✉ shapovalenkoiv@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Теоретическая значимость данной работы связана с осуществлением эмпирической верификации классических теорий подросткового возраста Э. Эриксона и Д.Б. Эльконина на уникальной по масштабу российской выборке и с уточнением роли традиционных факторов развития личности подростка. Практическая и социальная ценность исследования обусловлена необходимостью актуализации развивающих воспитательных воздействий по отношению к подросткам. **Цель.** Определить особенности личностной идентичности (а именно — профиля самовосприятия и ясности Я-концепции) современных российских подростков с учетом ряда факторов: пола, возраста, академической успеваемости, территории проживания. **Гипотезы.** Существуют различия в профиле самовосприятия и ясности Я-концепции у подростков с учетом факторов: пол, возраст, уровень академической успеваемости, территория проживания; существуют значимые связи профиля самовосприятия и ясности Я у подростков. **Методы и материалы.** Опрос с помощью методик: 1) «Профиль самовосприятия для подростков» в адаптации Н.К. Радиной, Е.Ю. Терешенковой и 2) Шкала «Ясность Я-концепции» в адаптации В.В. Вдовенко, С.А. Щebetенко, Е.Б. Старовойтенко. Участники — более 62000 подростков из 85 регионов России в возрасте от 11 до 17 лет. **Результаты.** Пол, возраст, успеваемость, жизнь в трудных условиях практически не влияют на самовосприятие и сформированность Я-концепции подростков. Эмпирически выявлен переломный момент 11-12 лет в развитии ясности Я. Установлены значимые положительные связи ясности Я и ряда аспектов самооценки подростков. **Выводы.** Особенности личностной идентичности подростков практически не связаны с демографическими и ситуационными переменными. Полученная в исследовании картина направления и содержания развития личностной идентичности подростков подтверждает актуальность закономерностей, сформулированных в классических теориях Э. Эриксона и Д.Б. Эльконина.

Ключевые слова: подростковый возраст, личностная идентичность, самовосприятие, Я-концепция, ясность Я, самооценка, рефлексия, цифровая социализация

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 24.04.2025 № 073-00069-25-03 «Создание психологического портрета современных детей и подростков и определение условий их благополучия».

Для цитирования: Шаповаленко, И.В., Кочетова, Ю.А., Семья, Г.В., Меркуль, И.А., Радчиков, А.С. (2026). Личностная идентичность современных подростков: результаты общероссийского исследования. *Психологическая наука и образование*, 31(1), 141–157. <https://doi.org/10.17759/pse.2026000005>

Personal identity of modern adolescents: results of an all-Russian study

I.V. Shapovalenko¹ ✉, Yu.A. Kochetova¹, G.V. Semya^{1, 2},
I.A. Merkul¹, A.S. Radchikov¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

✉ shapovalenkoiv@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. The theoretical significance of the work is related to the need to correlate the cultural-historical approach to understanding adolescence, as well as theories of identity and modern ideas about the dynamics of Self-concept development. The practical and social value of the research is determined by the need to actualize developmental educational influences in relation to adolescents. **Objective.** The purpose of the study is to analyze the features of personal identity (namely, the profile of self-perception and clarity of self-concept) of modern Russian adolescents. **Hypotheses.** There are differences in the profile of self-perception and the clarity of self-concept among adolescents, taking into account factors such as gender, age, academic achievement, and territory of residence. Additionally, there are significant links between the profile of self-perception and the clarity of self-concept in adolescents. **Methods and materials.** The survey was conducted using the following methods: 1) “Self-perception profile for adolescents,” adapted by N.K. Radina and E.Y. Tereshenkova; 2) the scale “Clarity of Self-concept,” adapted by V.V. Vdovenko, S.A. Shchebetenko, and E.B. Starovoitenko. The participants number more than 62000 teenagers from 85 regions of Russia, aged 11 to 17 years. **Results.** Gender, age, academic performance, and life in difficult conditions have virtually no effect on adolescents’ self-perception and the formation of their self-concept. The turning point in the development of self-clarity has been empirically identified at ages 11–12. Significant positive relationships between self-clarity and various aspects of adolescents’ self-esteem have been established. **Conclusions.** The characteristics of adolescents’ personal identity are practically not associated with demographic and situational variables. The picture of the direction and content of the development of adolescents’ personal identity obtained in the study confirms the relevance of the patterns formulated in the classical theories of E. Erikson and D.B. Elkonin.

Keywords: adolescence, personal identity, self-perception, self-concept, self-clarity, self-esteem, reflection, digital socialization

Funding. The study was carried out under the State Assignment of the Ministry of Enlightenment of the Russian Federation No. 073-00069-25-03 dated April 24, 2025, “Developing a Psychological Profile of Contemporary Children and Adolescents and Identifying Conditions for Their Well-being”.

For citation: Shapovalenko, I.V., Kochetova, Yu.A., Semya, G.V., Merkul, I.A., Radchikov, A.S. (2026). Personal identity of modern adolescents: results of an all-Russian study. *Psychological Science and Education*, 31(1), 141–157. DOI:10.17759/pse.2026000005 (In Russ.).

Введение

Подростковый возраст рассматривается как переходный к зрелости период, когда подростки учатся понимать себя, оценивать свои способности и ограничения, как период выбора дальнейшего жизненного пути. Идентичность личности все чаще рассматривается как ключевой конструкт для понимания и оптимального, и патологического функционирования в обществе людей разного возраста (Luysckx et al., 2023).

Одной из важнейших проблем современной психологии подросткового возраста признается проблема становления личностной идентичности в условиях социокультурных изменений. Во-первых, эпоха глобализации и цифровизации создает условия интенсивного взаимодействия подростков с самыми разнообразными явлениями культуры, при этом вероятность конфликта ценностей весьма высока (Vanhoffelen et al., 2023). Во-вторых, нынешняя политическая напряженность в мире, сложная социо-экономическая ситуация, разнообразие культурных моделей поведения вызывают стресс и проблемы адаптации даже у взрослых, тем более они сложны для подростков.

Согласно Э. Эриксону, эго-идентичность понимается как субъективное чувство целостности собственной личности, отражающее степень принятия человеком четких и последовательных целей, убеждений и ценностей (Эриксон, 1996). Эти идеи концептуально близки к пониманию ключевых новообразований эпохи подростничества в отечественной психологии. В концепции Э. Эриксона успешное разрешение кризиса

связывается с возникновением личностной и социальной идентичности, а в культурно-историческом подходе, в работах Л.С. Выготского и Д.Б. Эльконина, важнейшие новообразования подростковой эпохи — это качественно новый уровень самосознания, личностная рефлексия, система ценностных ориентаций и, наконец, профессиональное и личностное самоопределение (Выготский, Эльконин, 2005). Эти психологические достижения периода взросления становятся фундаментом для определения образовательной и профессиональной траекторий, построения личных отношений, продвижения к зрелости и личностной зрелости.

Одним из важных направлений развития идентичности считается самовосприятие как процесс самопознания и развития аттитюдов (социальных установок) личности, в том числе Я-концепции (Мещеряков, Зинченко, 2003). Самовосприятие определяется как ориентировка человека в собственном внутреннем мире путем сравнения себя с другими, путем наблюдения и анализа собственного поведения и деятельности через призму тех же понятий, которые осознаются при анализе наблюдаемого поведения других людей (Мещеряков, Зинченко, 2003; Баева и др., 2022).

Современный американский психолог Сьюзен Хартер (Susan Harter) в монографии «The Construction of the Self: A Developmental Perspective» (1999) описала основные нормативные этапы становления многих процессов самопознания, кросс-культурные подходы к развитию самооценки, вклад образовательных институтов в развитие

личности и индивидуальную вариативность самовосприятия. Ею выделены различные типы представлений себя, в диапазоне от ярко выраженных негативных до нереалистично позитивных (Harter, 2012). С. Хартер разработала методические инструменты для диагностики представлений детей и подростков о себе, о своей успешности в наиболее важных сферах взаимодействия. В разработанной ею методике «Профиль самовосприятия для подростков» выделено 9 аспектов оценки собственной компетентности в значимых сферах (Harter, 2012; Прихожан, Толстых, 2018).

Я-концепция рассматривается как обобщенный продукт самовосприятия. Английский психолог Роберт Бернс (Robert Burns), известный разработкой «Я-концепции» (Self-Concept), указывал: «Я-концепция формируется под воздействием различных внешних влияний, которые испытывает индивид. Особенно важными для него являются контакты со значимыми другими, которые, в сущности, и определяют представления индивида о самом себе» (Бернс, 2006, с. 39).

Один из ключевых параметров структуры Я-концепции — Ясность Я как «степень отчетливости, уверенности, внутренней согласованности и хронологической устойчивости, с которой в Я-концепции представлено ее содержание (например, представления личности о своих свойствах)» (Вдовенко, Щебетенко, Старовойтенко, 2021).

В многочисленных эмпирических работах, проведенных на выборках разной численности (от нескольких десятков до нескольких тысяч подростков), изучаются позитивные и негативные факторы становления самовосприятия и Я-концепции, возрастная динамика этих психологических образований, гендерные различия (Portillo, Fernández-Waena, 2019); связи самовосприятия и самооценки с личностными, эмоциональными и коммуникативными характеристиками, с успешностью интеграции личности в социум (Palenzuela-Luis et al., 2022), деструктивные влияния на самовосприятие (Богатырева, Бостанова, 2022; Бобченко,

Нефедова, 2025), влияние социальных сетей (Smith, Johnson, 2025; Grajek et al., 2025).

Теоретическая значимость данной работы связана с осуществлением эмпирической верификации классических теорий подросткового возраста Э. Эриксона и Д.Б. Эльконина на уникальной по масштабу российской выборке и с уточнением роли традиционных факторов развития личности подростка. Практическая ценность исследования обусловлена возможностью представить актуальные данные о характеристиках самовосприятия и ясности Я-концепции современных российских подростков в новую технологическую эпоху цифровизации.

Диагностика особенностей самовосприятия и ясности Я-концепции российских подростков была включена в контекст проведенного в сентябре-октябре 2025 года Всероссийского научного исследования «Создание психологического портрета современных детей и подростков и определение условий их благополучия». В данном исследовании мы имели в виду эпоху подростничества (по Д.Б. Эльконину), включающую собственно подростковый период и период ранней юности.

Цель исследования: определить особенности личностной идентичности (а именно — профиля самовосприятия и ясности Я-концепции) современных российских подростков с учетом ряда факторов: пола, возраста, академической успеваемости, территории проживания. Проверялся **ряд гипотез**, среди которых: предположения о существовании различий в профиле самовосприятия и уровне ясности Я-концепции: 1) у подростков разного пола, 2) разного возраста, 3) с разным уровнем академической успеваемости, 4) проживающих в разных территориальных зонах России (например, в зонах «Обычные территории» и «Экологически неблагоприятные территории»), а также гипотеза 5) о наличии значимых связей между профилем самовосприятия и ясностью Я-концепции у подростков.

Материалы и методы

Для создания психологического портрета современных российских подростков была

подобрана батарея из 8 стандартизированных методик, которые направлены на оценку разных сторон личностного развития, с особым вниманием к их субъективному благополучию. Сбор эмпирических данных осуществлен с использованием электронных форм сервиса «Анкетолог» в образовательных организациях разных регионов России. В данной статье мы представим результаты, полученные нами с помощью только двух методик, предназначенных для диагностики аспектов личностной идентичности:

1) Опросник «Профиль самовосприятия для подростков» С. Хартер (Harter's Self-Perception Profile for Adolescents, SPPA) в адаптации Н.К. Радиной, Е.Ю. Терешенковой для оценки подростками собственной компетентности в наиболее значимых сферах жизни (Прихожан, Толстых, 2018). Методика реализована в нашей модификации: формулировки вопросов с выбором из двух альтернативных вариантов заменены нами на одно прямое утверждение (с максимальным сохранением содержания) — для удобства электронного предъявления. Приведем пример такой модификации: вопрос с дихотомией и выбором «Некоторые подростки думают, что они такие же сообразительные, как их ровесники, а другие подростки не уверены в том, что они такие же сообразительные, как их ровесники» заменен нами на следующее утверждение: «Я думаю, что я такой же сообразительный, как мои ровесники». Показатели коэффициента α Кронбаха для всех шкал варьировались в диапазоне от 0,74 до 0,90, что свидетельствует о высокой согласованности вопросов внутри шкал. Значения коэффициента α Кронбаха «при удалении пункта» во всех случаях оказались ниже итогового показателя, что обосновывает сохранение вопросов в соответствующих шкалах.

2) Опросник «Шкала ясности Я-концепции» (Self-Concept Clarity Scale, SCCS) Дж. Кэмпбелл в адаптации В.В. Вдовенко, С.А. Щebetенко, Е.Б. Старовойтенко (Вдовенко, Щebetенко, Старовойтенко, 2021).

Выборка. В исследовании подростков приняли участие 62312 человек из 85 регио-

нов Российской Федерации. Средний возраст участников — $14,1 \pm 1,8$ года (минимум — 11 лет, максимум — 17 лет). Девочки составили чуть больше половины выборки (54,1%).

Статистические методы. Для проверки гипотез исследования использовались статистические пакеты IBM SPSS Statistics 21 и Statistica 12.0. Учитывая большой объем выборки, классические критерии проверки нормальности распределения дали отклонение всех показателей от нормального. Ориентируясь на авторов учебника (George, Mallery, 2016), мы оценивали асимметрию показателей, поскольку она не превысила значение 2, мы можем считать распределение всех показателей соответствующим нормальному распределению. Для проверки различий по качественным показателям использовался критерий хи-квадрат Пирсона, по количественным — многофакторный дисперсионный анализ. Величина эффекта оценивалась с помощью η^2 .

Результаты

В табл. 1 представлена описательная статистика по шкалам методик «Шкала ясности Я-концепции» и «Профиль самовосприятия для подростков».

По шкале ясности Я-концепции (SCCS) средний балл (3,44 из 5 возможных) указывает на умеренно высокий уровень внутренней согласованности и устойчивости содержания представлений о себе у исследуемой выборки подростков. Ответы участников по данной шкале — достаточно однородны, без резких разбросов; большинство значений сконцентрированы вокруг среднего.

По методике диагностики самовосприятия (SPPA) — разные аспекты самооценки у подростков из данной выборки выражены неодинаково, средние значения по подшкалам варьируются от 12,35 (романтическое влечение) до 15,37 (глобальная самооценка). Наивысшие средние баллы наблюдаются по глобальной самооценке (15,37) и близким дружеским отношениям (15,04). Наиболее низкие сферы — романтическое влечение (12,35) и атлетическая компетентность

Таблица 1 / Table 1

**Описательная статистика шкал методик «Шкала ясности Я-концепции»
и «Профиль самовосприятия для подростков»
Descriptive statistics of the scales of the “Self-Concept Clarity Scale
and “Self-Perception Profile for Adolescents” methods**

Шкала / Scale	Среднее значение ± Стандартное отклонение / Mean ± Standard Deviation	Медиана [Нижний квартиль; Верхний квартиль] / Median [Lower Quartile; Upper Quartile]
Шкала ясности Я-концепции / Self-Concept Clarity Scale		
Шкала ясности-Я концепции / Self-Concept Clarity Scale	3,44 ± 0,66	3,50 [3,00;3,92]
Профиль самовосприятия для подростков / Self-Perception Profile for Adolescents		
Школьная компетентность / Scholastic Competence	14,45 ± 3,29	15,00 [13,00;16,00]
Социальное принятие / Social Competence	13,86 ± 3,39	14,00 [12,00;16,00]
Атлетическая компетентность / Athletic Competence	13,03 ± 3,85	13,00 [10,00;16,00]
Физическая форма / Physical Appearance	14,27 ± 3,85	15,00 [12,00;17,00]
Профессиональная компетентность / Job Competence	13,23 ± 3,24	13,00 [11,00;15,00]
Романтическое влечение / Romantic Appeal	12,35 ± 3,66	13,00 [10,00;15,00]
Поведенческие действия / Behavioral Conduct	14,07 ± 3,06	14,00 [12,00;16,00]
Близкие дружеские отношения / Close Friendship	15,04 ± 3,71	15,00 [13,00;18,00]
Глобальная / общая самооценка / Global Self-Worth	15,37 ± 3,74	15,00 [13,00;19,00]

(13,03). Существует большая вариативность внутри выборки: есть подростки, которые оценивают себя очень высоко в этих сферах, и есть те, кто оценивают себя низко.

Фактор пола. При сравнении подростков разного пола были выявлены статистически значимые различия по методике SCCS ($F(1,62310) = 1260,1$; $p < 0,0001$; $\eta^2 = 0,02$), см. рис. 1. В данной очень большой выборке обнаружено, что в среднем у подростков-мальчиков и юношей ясность Я-концепции статистически значимо выше, чем у девушек. И это совпадает с выводами многих работ, которые указывают на подобную разницу (Rosenberg, 1965; Twenge, Campbell, 2001). Однако в нашем случае величина эффекта пренебрежимо мала; пол объясняет лишь 2% вариативности сформированности Я-концепции.

При сравнении подростков разного пола по SPPA также были найдены значимые

различия ($F(8,498480) = 389,5$; $p < 0,0001$; $\eta^2 = 0,01$). Шкалы методики с наибольшими различиями представлены на рис. 2. Как видно из рисунка, у девушек в подростковом возрасте выше самооценка способности к установлению близких дружеских отношений, но ниже самооценка своих достижений в спорте и подвижных играх, а также ниже самооценка готовности к профессиональной (трудовой) деятельности. Однако величина эффекта вновь пренебрежимо мала и практической значимости не имеет.

Тем не менее прокомментируем эти различия по содержанию как тренд:

— Положение «У девушек выше самооценка способности к установлению близких отношений с друзьями, чем у юношей» — это классическая и наиболее воспроизводимая в кросс-культурных исследованиях находка, соответствующая теориям гендерной социализации (Harter, 2012).

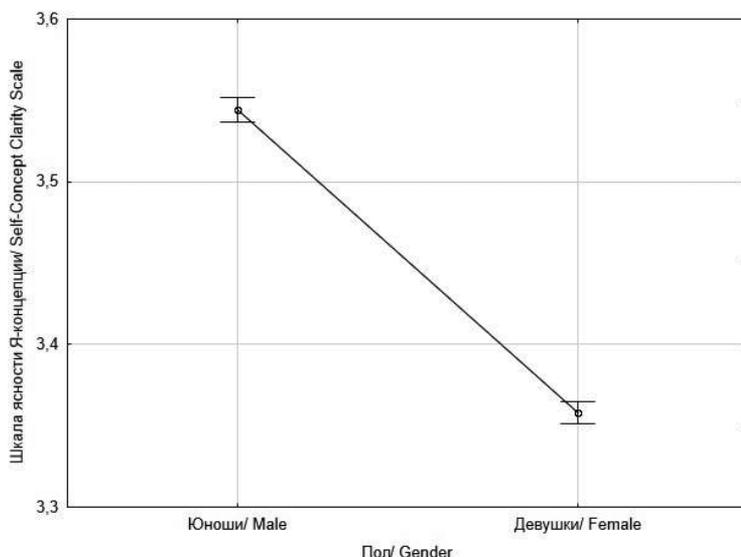

Рис. 1. Средние значения методики «Шкала ясности Я-концепции» для подростков разного пола (вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал)

Fig. 1. Average values of the “Self-Concept Clarity Scale” for adolescents of different genders (vertical bars denote 0,95 confidence intervals)

— Положение «У девушек ниже самооценка своих достижений в спорте и подвижных играх (атлетическая компетентность)» вполне соответствует стереотипам и предыдущим исследованиям (Kling et al., 1999; Rose, Rudolph, 2006). Однако с учетом величины эффекта в 1% внутригрупповые различия (различия между отдельными подростками) намного важнее межгрупповых (между средним юношей и средней девушкой).

— То же самое относится и к утверждению о том, что у девочек-подростков ниже самооценка готовности к трудовой деятельности (профессиональная компетентность), чем у подростков мужского пола.

Фактор возраста. Для оценки возрастных различий самовосприятия и ясности Я-концепции было проведено сравнение подростков разного возраста (от 11 до 17 лет).

По методике SCCS были обнаружены достоверные различия со слабой величиной эффекта ($F(6,62305) = 77,6; p < 0,0001; \eta^2 = 0,01$). Результаты средних значений шкалы ясности

представлены на рис. 3. Мы видим некоторое снижение показателей от 11 к 12 годам и затем последующий рост по мере взросления подростка — от 12 до 17 лет. Несмотря на то, что величина эффекта формально так же мала, здесь мы обнаруживаем статистически значимый нелинейный возрастной тренд в изменении ясности Я-концепции с точкой перелома около 12 лет.

Описанная динамика снижения показателей в промежутке от 11 лет к 12 годам, а затем рост от 12 до 17 лет соответствует современным представлениям о ходе становления идентичности. Пик максимальной неопределенности, приходящийся на возраст 11–12 лет, — период начала активной фазы пубертата и перехода в среднюю школу. Происходит ломка прежней, детской Я-концепции, а новая еще не сформирована. Позднее подросток активно экспериментирует с ролями, пробует себя в разных сферах (учеба, хобби, отношения). Благодаря этому опыту, общению со сверстниками и когни-

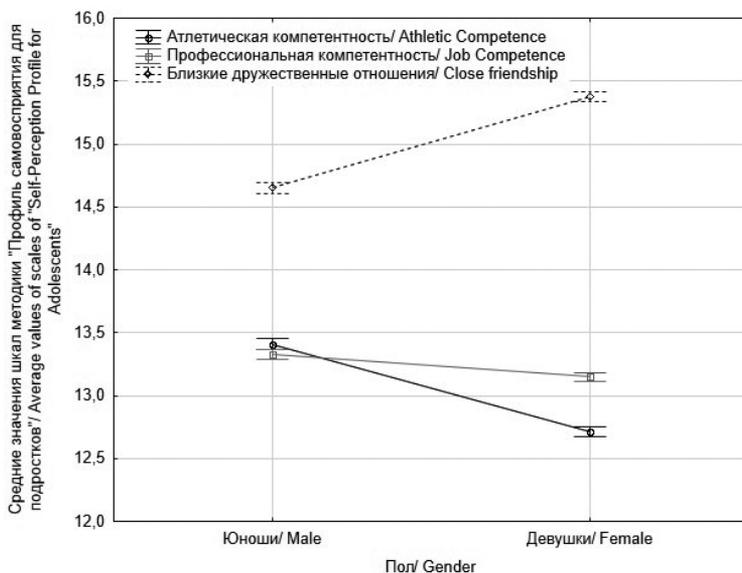

Рис. 2. Средние значения 3-х шкал методики «Профиль самовосприятия» для подростков разного пола (вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал)

Fig. 2. Average values of 3 scales of the “Self-Perception Profile” method for adolescents of different genders (vertical bars denote 0,95 confidence intervals)

тивному развитию постепенно выстраивается более целостная, сложная и устойчивая система представлений о себе. Это отражается в плавном росте показателей ясности Я-концепции от 12 до 17 лет.

Если бы рост показателей ясности Я был линейным от 11 до 17 лет, это можно было бы объяснить происходящим накоплением опыта и когнитивным созреванием. Эмпирическое обнаружение переломного момента подтверждает, что развитие идентичности — не просто плавный рост, а процесс, включающий кризисные этапы и перестройки. Это согласуется с теорией Э. Эриксона (кризис идентичности vs. ролевое смешение). Также это совпадает с так называемым предподростковым кризисом, выделенным в возрастной периодизации Д.Б. Эльконина, а также в других более современных исследованиях подросткового возраста (Vartanian, 2000; Meeus et al., 2010; Yang et al., 2025).

Были обнаружены значимые различия для подростков разного возраста по

методике «Профиль самовосприятия» ($F(48,498440) = 241,5; p < 0,0001; \eta^2 = 0,02$). Шкалы с наибольшими различиями представлены на рис. 4. Как видно, с возрастом у подростков увеличивается самооценка в романтических отношениях и самооценка готовности к трудовой деятельности, в то же время снижается самооценка компетентности в спорте.

Несмотря на уже знакомую нам статистическую картину (гигантская выборка, малый эффект), содержательно картина показывает направленность развития по мере взросления в среднем по популяции, систематические сдвиги (хоть и небольшие) в определенных сферах самовосприятия. Подчеркнем, что возрастная перестройка затрагивает в первую очередь сферы, связанные с новыми, «взрослыми» социальными ролями (романтический партнер, будущий работник). Рассмотрим подробнее:

— Рост по шкале «романтическое влечение» прямо отражает ориентацию на психо-

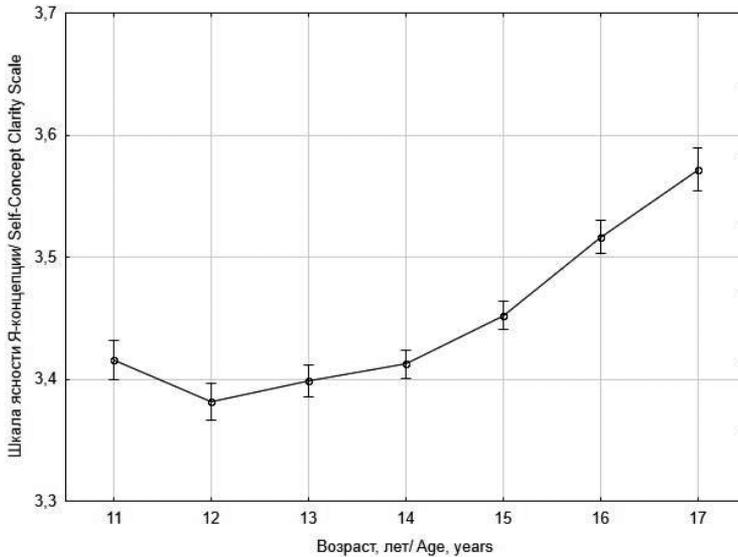

Рис. 3. Средние значения методики «Шкала ясности Я-концепции» для подростков разного возраста (вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал)
Fig. 3. Average values of the “Self-Concept Clarity Scale” for adolescents of different ages (vertical bars denote 0,95 confidence intervals)

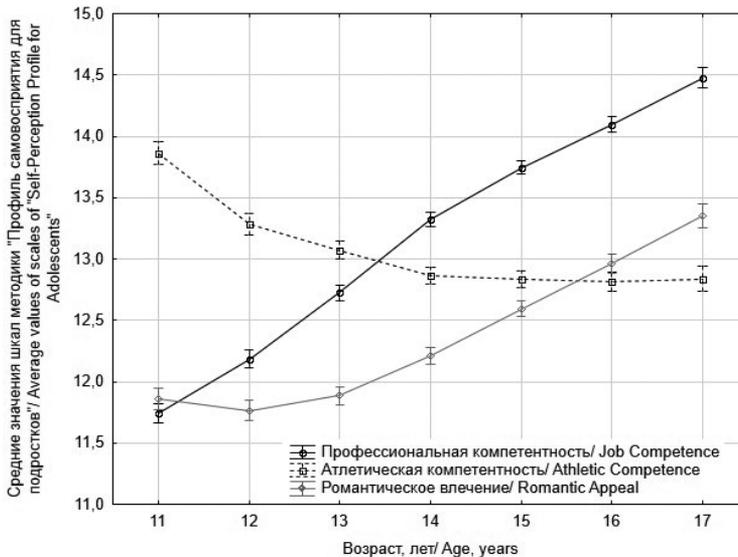

Рис. 4. Средние значения 3-х шкал методики «Профиль самовосприятия» для подростков разного возраста (вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал)
Fig. 4. Average values of 3 scales of the “Self-Perception Profile for Adolescents” method for adolescents of different ages (vertical bars denote 0,95 confidence intervals)

социальную задачу по установлению близких, в том числе романтических отношений (по Эриксону, «Интимность vs. Изоляция» на следующем этапе). В переходном возрасте происходит колоссальный скачок в интересе, опыте, понимании себя в романтическом контексте (Collins, Welsh, Furman, 2009).

— Что касается становления «профессиональной компетентности», то это тоже одна из центральных задач подростково-юношеского возраста. Подростки начинают серьезнее задумываться о будущем, выбирают индивидуальные учебные «послешкольные» траектории, пробуют подработки.

— Снижение «атлетической компетентности», на первый взгляд, может показаться неожиданным. Однако можно предположить несколько объяснений этого факта: недовольство подростка своим телом в период пубертата; смена образцов для сравнения и рост самокритичности; смещение интересов и значимости в другие сферы.

— При этом ряд сфер самовосприятия, таких как «дружба», «школьная компетентность», «поведение», «глобальная самооценка» (как основа самооценки), остаются относительно стабильными на протяжении подросткового возраста.

Фактор академической успеваемости.

Для учета фактора академической успеваемости было выделено 4 группы самоидентификации участников исследования: «отличник», «хорошист», «троечник» и «двоечник»¹.

При сравнении подростков с разной успеваемостью были получены достоверные различия (со слабой величиной эффекта) по методике «Шкала ясности Я-концепции» ($F(3,62308) = 273,5; p < 0,0001; \eta^2 = 0,01$; рис. 5). На основании рис. 5 можно сказать, что показатель ясности Я-концепции соотносится с уровнем успеваемости подростка: самый низкий уровень ясности Я-концепции выявлен у подростков с низкой успеваемо-

стью («двоечников»), а самый высокий — у «отличников». Казалось бы, это ожидаемо и соответствует представлению об академических достижениях как о значимом «стержне» личности подростка. И вновь величина эффекта указывает: академическая успеваемость (как и пол, и возраст) объясняет лишь 1% вариаций в ясности Я-концепции подростков. Разброс внутри каждой подгруппы колоссален. Средний «отличник» и средний «неуспевающий» практически не различаются по степени ясности и уверенности в том, кто они есть как личности. Среди «троечников» есть подростки с кристально ясным и устойчивым самовосприятием (их самоидентификация строится на хобби, спорте, социальных ролях), а среди «отличников» — подростки с высокой рефлексией, тревогой и неуверенностью в себе («я отличник, но кто я на самом деле?»).

При сравнении профилей самовосприятия были выявлены значимые различия у подростков с разной успеваемостью ($F(24,498464) = 201,0; p < 0,0001; \eta^2 = 0,01$; рис. 6). Обнаружен статистически значимый тренд к повышению показателей по трем шкалам (школьная компетентность, социальное принятие, близкие дружеские отношения) по мере роста успеваемости. Однако ничтожная величина общего эффекта не позволяет рассматривать успеваемость как значимый фактор психологического благополучия и указывает на необходимость поиска более мощных предикторов в индивидуальных и средовых характеристиках подростка.

Фактор территории проживания. Исследование проводилось в 85 регионах России, но для определения территориальной зоны, к которой относится место их проживания, участникам было предложено 10 вариантов ответа (например, «Обычная территория», «Экологически неблагоприятная», «Приграничная зона» и др.), выбор которого

¹ Это условные названия групп по успеваемости, они используются только при анализе эмпирических результатов. В материалах для участников исследования варианты ответов представлены в описаниях, например: «У меня часто бывают двойки».

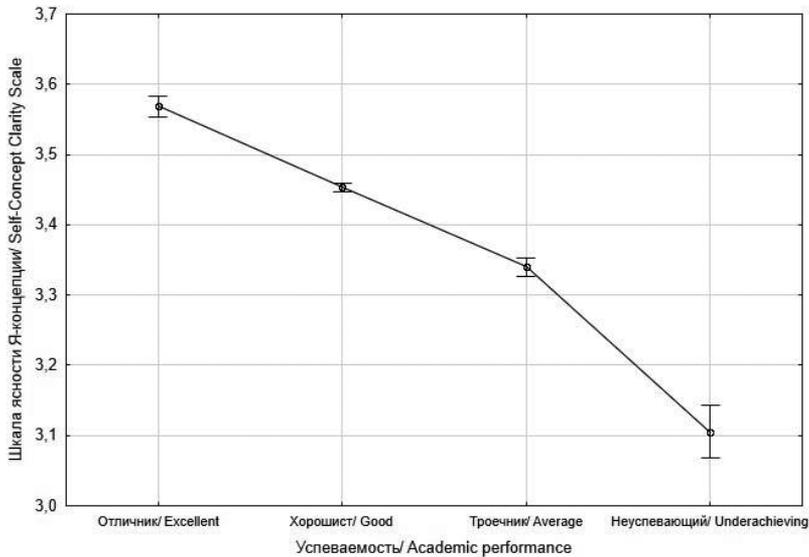

Рис. 5. Средние значения методики «Шкала ясности Я-концепции» для подростков с разной успеваемостью (вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал)

Fig. 5. Average values of the “Self-Concept Clarity Scale” for adolescents with varying academic performance (vertical bars denote 0,95 confidence intervals)

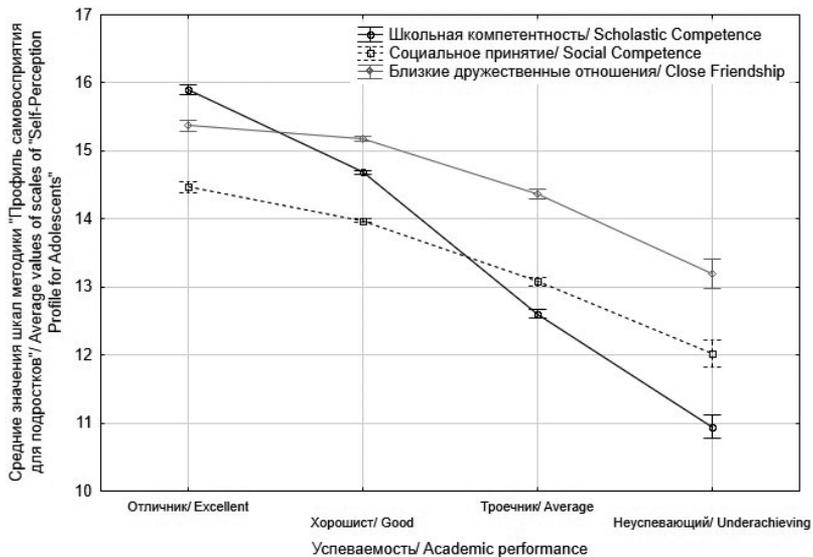

Рис. 6. Средние значения 3-х шкал методики «Профиль самовосприятия» для подростков с разной успеваемостью (вертикальные отрезки обозначают 95% доверительный интервал)

Fig. 6. Average values of 3 scales of the “Self-Perception Profile for Adolescents” method for adolescents with varying academic performance (vertical bars denote 0,95 confidence intervals)

осуществлялся по указанию организаторов. Несмотря на статистическую значимость различий, крайне низкая величина эффекта свидетельствует об отсутствии практически значимых различий в профиле самовосприятия ($F(72,498416) = 14,9$; $p < 0,0001$; $\eta^2 < 0,01$) и уровне ясности Я-концепции ($F(9,62302) = 17,0$; $p < 0,0001$; $\eta^2 < 0,01$) подростков в зависимости от территорий их проживания. Территория проживания не является значимым фактором, влияющим на становление личностной идентичности подростков. Подчеркнем, что этот результат говорит об отсутствии значимых различий в средних показателях по группам, но это не отменяет того, что у конкретных подростков, переживших травму, могут быть очень серьезные проблемы.

Связи между показателями профиля самовосприятия и ясностью Я-концепции у подростков. В табл. 2 представлены корреляционные связи между «Шкалой ясности Я-концепции» и шкалами методики «Профиль самовосприятия для подростков». В отличие от групповых сравнений (где эффекты были ничтожны), здесь мы видим умеренные, практически значимые связи между ясностью Я-концепции и конкретными аспектами самооценки.

Паттерн корреляций рисует психологически убедительную картину того, с чем связано ясное и устойчивое «Я» подростка:

Наиболее сильная связь — с глобальной самооценкой ($r = 0,41$). Ясность Я-концепции тесно связана с общим чувством самоценности и самопринятия. Чем целостнее и устойчивее представление о себе, тем выше общее позитивное отношение к себе. И наоборот.

Сильные связи с «публичными» и оцениваемыми сферами — с физической формой (0,39), школьной компетентностью (0,35) и социальным принятием (0,33) — указывают на важность обратной связи от окружающего мира. Ясность «Я» строится в том числе на понимании того, насколько ты успешен и принят в ключевых для общества и сверстников областях.

Связь с контролем поведения (0,32) указывает, что подростки с более ясной Я-концепцией лучше осознают социальные нормы и ожидания, способны вести себя в соответствии со своими внутренними принципами, что также укрепляет их самоощущение.

Относительно слабые корреляции ясности «Я» с дружбой (0,23) и романтическим влечением (0,24) могут означать, что близость в общении больше зависит от других

Таблица 2 / Table 2

**Корреляции между шкалами методик (коэффициент корреляции Пирсона)
Correlations between scales of methods (Pearson correlation coefficient)**

Корреляции / Correlations	Шкала ясности Я-концепции / Self-Concept Clarity Scale
Школьная компетентность / Scholastic Competence	0,35
Социальное принятие / Social Competence	0,33
Атлетическая компетентность / Athletic Competence	0,27
Физическая форма / Physical Appearance	0,39
Профессиональная компетентность / Job Competence	0,14
Романтическое влечение / Romantic Appeal	0,24
Поведенческие действия / Behavioral Conduct	0,32
Близкие дружеские отношения / Close Friendship	0,23
Глобальная / общая самооценка / Global Self-Worth	0,41

Примечание: Все корреляции значимы на уровне $p < 0,05$.

Note: All correlations are significant at the $p < 0,05$ level.

факторов (эмоционального интеллекта, типа привязанности и др.).

Самая слабая связь ясности Я — с профессиональной компетентностью (0,14), что выглядит вполне логично. Представления подростков о будущей работе расплывчаты и не являются стержнем актуальной идентичности.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование было направлено на изучение факторов, связанных со становлением личностной идентичности в подростковом возрасте. Несмотря на статистическую значимость таких факторов, как пол, возраст, академическая успеваемость и территория проживания (гипотезы исследования), их практический вклад в объяснение вариативности изучаемых личностных характеристик оказался ничтожно мал (η^2 от $< 0,01$ до $0,02$). Это означает, что демографические и ситуационные переменные в совокупности объясняют не более 2% различий между подростками. Данный факт является важным эмпирическим аргументом против предопределенности личностного развития внешними обстоятельствами или групповой принадлежностью. Условия жизни сами по себе, включая экстремальные (территории боевых действий, экологические катастрофы), не определяют траекторию становления идентичности конкретной личности.

В то же время содержательный анализ выявленных слабых трендов позволил построить достоверную картину возрастного развития. Динамика показателей соответствует классическим теоретическим моделям. Наблюдаемое снижение ясности Я-концепции в 11-12 лет с последующим ростом до 17 лет наглядно иллюстрирует фазу кризиса и последующую консолидацию идентичности (Эриксон, 1996). Параллельно перестраивается содержание самооценки: снижается значимость спортивной компетентности как более детской сферы, а уверенность в романтической и профессиональной сферах, связанных с освоением новых взрослых ролей, закономерно возрастает. При этом «ядро» самооценки (общее

самоуважение, качество близкой дружбы и школьная компетентность) остается относительно стабильным, обеспечивая опору для личности в период изменений.

Проведенный корреляционный анализ ясности Я-концепции и различных аспектов самовосприятия подростков выявил ряд устойчивых связей. Наиболее тесная связь обнаружена с глобальной самооценкой ($r = 0,41$), что подтверждает концептуальную близость и взаимное усиление этих образований: позитивное самоотношение способствует интеграции нового опыта, построению целостного и непротиворечивого «Я», и наоборот. Таким образом, исследование демонстрирует, что становление личности в подростковом возрасте — это прежде всего процесс активного самостроительства в системе отношений со значимыми людьми.

Заключение

Масштабное исследование с участием более 62000 подростков из 85 регионов России обеспечивает высокую репрезентативность полученных данных и позволяет говорить об общероссийских тенденциях в развитии личностной идентичности.

Подведем итоги:

Результаты исследования эмпирически подтверждают нелинейную динамику становления идентичности. Ясность представлений о себе, согласно нашим данным, снижается в 11-12 лет («кризис идентичности», «предподростковый кризис»), а затем растет до 17 лет, что подтверждает актуальность закономерностей развития личности подростка, сформулированных в классических теориях Э. Эриксона и Д.Б. Эльконина.

Главный парадокс результатов исследования состоит в том, что демографические и ситуационные переменные (пол, успеваемость, территория проживания) практически не влияют на самовосприятие и сформированность Я-концепции подростков. Эти факторы объясняют лишь 1-2% различий, что смещает фокус на индивидуально-личностные и микросоциальные механизмы становления «Я».

С возрастом у подростков увеличивает уверенность в романтической и будущей профессиональной сферах («взрослые» роли), но может снижаться оценка своих спортивных способностей. При этом общая самооценка, вера в свои школьные способности и качество дружбы остаются стабильной опорой Я-концепции.

Установлены конкретные связи в структуре идентичности подростков. Самая сильная связь обнаружена между ясностью Я и общей самооценкой; уверенность в своей внешности, учебных и социальных успехах также тесно связаны с целостным самовосприятием в подростковом периоде.

Подростковый возраст — это период активного самосозидания, а не пассивного

«вылепливания» личности даже объективными обстоятельствами жизни. Устойчивая личность строится через осознание себя, позитивный опыт и надежные отношения.

Ограничения. Следует учитывать, что исследование проведено методом поперечных срезов, что не позволяет отследить истинную динамику изменений по мере взросления. Вероятны ограничения используемых психодиагностических инструментов самооценочного типа.

Limitations. It should be noted that the study was conducted using a cross-sectional design, which does not allow for the true dynamics of changes as children age. The self-assessment psychodiagnostic instruments used may have limitations.

Список источников / References

1. Баева, И.А., Ульянина, О.А., Вихристюк, О.В., Гаязова, Л.А., Радчикова, Н.П., Файзуллина, К.А. (2022). Факторы социально-психологической дезадаптации и ценностные ориентации подростков и молодежи. *Известия Российской государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 206, 228–242. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2022-206-228-242>
2. Бернс, Р. (2006). *Развитие Я-концепции и воспитание*. М.: Наука. Burns, R. (2006). *Development of self-concept and education*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Бобченко, Т.Г., Нефедова, А.В. (2025). Психологический портрет личности виктимных подростков. *Виктимология*, 12(1), 111–124. <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiiy-portret-lichnosti-viktimnyh-podrostkov> (дата обращения: 09.12.2025). Bobchenko, T.G., Nefedova, A.V. (2025). Psychological portrait of victimized adolescents. *Viktimologiya*, 12(1), 111–124. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiiy-portret-lichnosti-viktimnyh-podrostkov> (accessed: 09.12.2025).
4. Богатырева, А.С., Бостанова, С.Н. (2022). Исследование психологических особенностей идентичности личности в кризисной ситуации. *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*, 12(214), 629–634. <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-psihologicheskikh-osobennostey-identichnosti-lichnosti-v-krizisnoy-situatsii/viewer> Bogatyreva, A.S., Bostanova, S.N. (2022). Study of psychological characteristics of personal identity in crisis situations. *Uchenye Zapiski Universiteta im. P.F. Lesgafta*, 12(214), 629–634. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-psihologicheskikh-osobennostey-identichnosti-lichnosti-v-krizisnoy-situatsii/viewer>
5. Вдовенко, В.В., Щебетенко, С.А., Старовойтенко, Е.Б. (2021). Я в самопознании: русскоязычная версия Шкалы ясности Я-концепции. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 14(77). Статья 7. <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.157> Vdovenko, V.V., Shchetenko, S.A., Starovoitenko, E.B. (2021). Self-knowledge: The Russian version of the Self-Concept Clarity Scale. *Psychological Research: Electronic Scientific Journal*, 14(77). Article 7. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.157>
6. Выготский, Л.С., Эльконин, Д.Б. (2005). *Психология развития человека*. М.: Смысл. Vygotsky, L.S., Elkonin, D.B. (2005). *Psychology of human development*. Moscow: Smysl. (In Russ.).

7. Мещеряков, Б.Г., Зинченко, В.П. (Ред). (2003). *Большой психологический словарь*. СПб.: Олма-Пресс, Прайм-Еврознак.
8. Прихожан, А.М., Толстых, Н.Н. (2018). *Психология подросткового возраста*. М.: Юрайт.
9. Эрикссон, Э. (1996). *Идентичность: юность и кризис*. М. Erikson, E. (1996). *Identity: Youth and crisis*. Moscow. (In Russ.).
10. Collins, W.A., Welsh, D.P., Furman, W. (2009). Adolescent romantic relationships. *Annual Review of Psychology*, 60, 631–652. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163459>
11. George, D., Mallery, P. (2016). *IBM SPSS Statistics 23. Step by Step: A Simple Guide and Reference* (14th ed.). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315545899>
12. Grajek, M., Jurys, T., Rozmiarek, M. (2025). Between Screens and Self-Perception: The Role of Gender and Digital Media Use in Shaping Body Esteem and Self-Esteem Among Adolescents. *Children*, 12, 1143. <https://doi.org/10.3390/children12091143>
13. Harter, S. (2012). *Self-perception profile for adolescents: manual and questionnaires*. file:///F:/BackUP/other%205/Downloads/Self-PerceptionProfileforAdolescents%20(1).pdf
14. Kling, K.C., Hyde, J.S., Showers, C.J., Buswell, B.N. (1999). Gender differences in self-esteem: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 125(4), 470–500. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.4.470>
15. Luyckx, K., Vanderhaegen, J., Raemen, L., Claes, L. (2023). Identity formation in adolescence and emerging adulthood: a process-oriented and applied perspective. *European Journal of Developmental Psychology*, 22(2), 168–187. <https://doi.org/10.1080/17405629.2023.2250128>
16. Meeus, W., van de Schoot, R., Keijsers, L., Schwartz, S.J., Branje, S. (2010). On the progression and stability of adolescent identity formation: A five-wave longitudinal study in early-to-middle and middle-to-late adolescence. *Child Development*, 81(5), 1565–1581. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01492.x>
17. Palenzuela-Luis, N., Duarte-Climent, G., Gómez-Salgado, J., Rodríguez-Gómez, J.Á., Sánchez-Gómez, M.B. (2022). International Comparison of Self-Concept, Self-Perception and Lifestyle in Adolescents: A Systematic Review. *Public Health*. Sep 29; 67:1604954. doi:10.3389/ijph.2022.1604954
18. Portillo, M., Fernández-Baena, J. (2019). Social self-perception in adolescents: Accuracy and bias in their perceptions of acceptance/rejection. *Educational Psychology*, 26(1), 1–6. <https://doi.org/10.5093/psed2019a12>
19. Rose, A.J., Rudolph, K.D. (2006). A review of sex differences in peer relationship processes: Potential trade-offs for the emotional and behavioral development of girls and boys. *Psychological Bulletin*, 132(1), 98–131. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.132.1.98>
20. Rosenberg, M. *Society and the Adolescent Self-Image*. Princeton: Princeton University Press, 1965.
21. Smith, J., Johnson, A.B. (2025). Social media behaviors and global self-concept in adolescent girls: A longitudinal study. *Frontiers in Psychology*, 16, 1643857.
22. Twenge, J.M., Campbell, W.K. (2001). Age and birth cohort differences in self-esteem: A cross-temporal meta-analysis. *Personality and Social Psychology Review*, 5(4), 321–344. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0504_3
23. Vanhoffelen, G., Schreurs, L., Meeus, A., Janssens, N., Beullens, K., Vandenbosch, L. (2023). Be Real, Be Happy? Examining the relationships between authentic self-presentations on Be Real and adolescents' self-esteem. *New Media & Society*, 27(4), 2273–2292. <https://doi.org/10.1177/14614448231207783>
24. Vartanian, L.R. (2000). Revisiting the imaginary audience and personal fable constructs of adolescent egocentrism: a conceptual review. *Adolescence*, 35(140), 639–661. PMID: 11214204.
25. Yang, Y., Zou, Y., Qiu, Y., Yang, J. (2025). The Developmental Trajectory and Influencing Factors of Self-Concept Clarity in Chinese Adolescents: A Latent Transition Analysis. *Behavioral Sciences*, 15(9), 1257. <https://doi.org/10.3390/bs15091257>

Информация об авторах

Ирина Владимировна Шаповаленко, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология об-

разования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: shapovalenkoiv@mgppu.ru

Юлия Андреевна Кочетова, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru

Галина Владимировна Семья, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); профессор кафедры психологической антропологии Института детства, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО «МПГУ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Ирина Анатольевна Меркуль, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3808-6076>, e-mail: merkulia@mgppu.ru

Андрей Сергеевич Радчиков, лаборант-исследователь, Научно-практический центр по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: superprobasite@yandex.ru

Information about the authors

Irina V. Shapovalenko, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Developmental Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: shapovalenkoiv@mgppu.ru

Yulia A. Kochetova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Developmental Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru

Galina V. Semya, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Age Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Professor of the Department of Psychological Anthropology, Institute of Childhood, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Irina A. Merkul, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Developmental Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3808-6076>, e-mail: merkulia@mgppu.ru

Andrey S. Radchikov, Research Assistant, Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research PsyDATA, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: superprobasite@yandex.ru

Вклад авторов

Шаповаленко И.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; обсуждение результатов.

Кочетова Ю.А. — идеи исследования; написание рукописи; планирование исследования; обсуждение результатов.

Семья Г.В. — идеи исследования; контроль за проведением исследования, обсуждение результатов.

Меркуль И.А. — контроль за проведением исследования, обсуждение результатов.

Радчиков А.С. — статистическая обработка данных и их количественный анализ.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Irina V. Shapovalenko — research concept; manuscript annotation, writing, and formatting; study planning; study supervision.

Yulia A. Kochetova — research concept; manuscript writing; study planning; study supervision.

Galina V. Semya — research ideas; monitoring of the research, discussion of the results.

Irina A. Merkul — control over the research, discussion of the results.

Andrey S. Radchikov — statistical data processing and quantitative analysis.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final manuscript.

Декларация об этике

Исследование проводилось в строгом соответствии с этическими стандартами, изложенными в Декларации Хельсинки (1964 год).

Ethics statement

The research was conducted in strict accordance with ethical standards outlined in the Helsinki Declaration (1964).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 17.12.2025

Поступила после рецензирования 19.12.2025

Принята к публикации 26.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.12.17.

Revised 2025.12.19.

Accepted 2025.12.26.

Published 2025.12.30.